

послушаша его: побегоша от него вси. Цесарь же побеже от нихъ, и угони е на Коньнемъ тѣргу, и многа жалова на бояры и на все люди“.

В приведенном отрывке непонятным представляется второе предложение: кто же кого догоняет? Буквальный смысл: цесарь убежал от них и догнал их на Конном торгу. Это, разумеется, бессмыслица! В данном месте все списки Еллинского летописца согласны с С, списки же К и А предлагают чтение: „угониша е“ — т. е. „они догнали их“. Смысл и в этом чтении не ясен. Наиболее достоверно признать текст испорченным и исправить по смыслу: „и угониша и“, т. е. „они догнали его“.

7. Наконец, повидимому, следует читать вместо: „и тако бысть възятие Цесаря града велико“ (так в С) — „възятие Цесаря града великого“, т. е. родительный падеж единственного числа мужского рода прилагательного с древнерусской флексией. Вероятно, последнее слово в первом списке повести или в непосредственном оригинале С было написано в конце строки с выноской буквы „г“, которой и не заметил переписчик, поняв „велико“ как краткое прилагательное и согласовав его в роде с существительным „възятие“. Все остальные списки согласуют прилагательное с существительным „града“ и дают членную форму родительного падежа единственного числа, свойственную книжному церковно-славянскому языку: „великаго“.

Перечисленные замечания дают основание восстановить первоначальное и правильное чтение текста повести и одновременно наводят на мысль о том, что Новгородскую летопись, в частности список С, нельзя признать источником, откуда заимствовалась повесть в Еллинский летописец, порой сохраняющий более правильное чтение. Очевидно, тексты Еллинского летописца опираются на какой-то другой, не дошедший до нас протограф.

III

Ценность повести как исторического источника несомненна. Она определяется прежде всего относительной беспристрастностью, так сказать, „нейтральностью“ изложения событий. В то время как Виллардуэн рисует события с точки зрения крестоносных рыцарей, а Никита Хониат выражает отношение аристократической части византийского населения к гибели Византии, повесть написана лицом, непосредственно не пострадавшим от событий и не принимавшим в них активного участия. Виллардуэн явно замалчивал или смягчал бесчинства крестоносцев в захваченной ими столице и превозносил военные доблести своих соратников.¹ Никита Хониат горько и гневно изобличал насилия врагов над населением города, но, несомненно, склонен был их преувеличивать. Повесть не скрывает грабительств и насилий крестоносцев, но автор ее не хочет оправдывать и византийскую знать во главе с императором. Поэтому к показаниям русского автора во многих случаях следует относиться с большим доверием, чем к остальным источникам.

Обращает на себя внимание в повести полное отсутствие в ней какого бы то ни было религиозного прагматизма, столь характерного для мировоззрения историков феодальной эпохи.

Автор повести нигде не объясняет бедствий, постигших Византию, гневом божества или возмездием за грехи ее жителей. Наоборот, он склонен подчеркивать исключительно социальные и политические при-

¹ См.: Сборник документов по социально-экономической истории Византии. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 229—230.